

Золотая история

Однажды осенью

Срубленная из лиственницы, добротная база Виктора Кошеленко стояла на высоком правом берегу Тас-Юряха. Чуть ниже с правой стороны в него впадал скатывающийся со склонов Северного Дырындинского хребта ручей Аку, который, подобно стрелке компаса, послушной силовым линиям всемогущего магнитного поля, направлением своего быстрого течения показывал точно на север. В двух десятках километров выше, Тас-Юрях вырвался из плена узкого каньона, рассекающего Каларский хребет (потому якуты его так и назвали: “Река, протекающая среди скал”), и спокойно понёс свои прозрачные воды на встречу с Олёкмой. После слияния с Аку, словно солдат по команде, он послушно поворачивал налево и километров пятнадцать струился строго по меридиану, но потом, будто вдруг передумав, продолжил свой бег на северо-восток.

Такие резкие повороты водотоков обычно обусловлены геологической ситуацией и, имея перед глазами топографическую карту, любой геолог может определить расположение главных разломов, подчиняющих себе течение рек и ручьёв, - они выбирают эти зоны из-за уменьшения здесь прочности горных пород. Тысячи и тысячи лет в виде песка и гальки вода выносила разрушающиеся породы, вырабатывая тем самым речные долины. Даже замёрзнув и превратившись в лед, она продолжает своё губительное для пород воздействие, вызывая их растрескивание и перемещая гигантские объёмы материала могучими ледниками.

... Виктор Кошеленко, колоритный, стриженный наголо начальник геологической партии, проводившей геологическую съёмку в северо-западном - “медвежьем” - углу Амурской области, радушно и хлебосольно принял маленький отряд АмурКНИИ, в составе которого, кроме автора этих строк, были Андрей Иванов, - молодой специалист, год как закончивший геологический факультет МГУ (в 1984-м году, *прим. автора*) и Вячеслав Римкевич, знакомый читателям по предыдущей повести.

Нашей задачей было опробование золоторудного проявления на Аку. Золото приходит из глубин, поэтому его появление определяется наличием тектонических нарушений, а в особенности их пересечений. Вот и Тас-Юрях подчинялся простиранию крупного разлома. Аку в этом смысле тоже не был исключением.

Для ночёвки нам выделили один из лучших балков базы. В начале сентября в этих широтах уже довольно прохладно, на реке уже держались хрустальные забереги, а в ведрах вода за ночь успевала покрыться сантиметровой корочкой льда. В балке же с печкой было тепло и уютно. От брёвен стоял здоровый хвойный запах, спалось крепко и безмятежно.

На Тас-Юрях мы пришли из своего базового лагеря на Большом Сэйиме, притоке р. Имангры. База стояла на месте бывшего поселка хабаровских геологов, обнаруживших месторождение титана, изучение которого входило и в наши планы. Там осталась вторая половина нашего отряда и гусеничный вездеход. Ехать на нём мы не решились, - не были уверены, что сможем преодолеть каменистый перевал между Имангрой и Тас-Юряхом, к тому же ещё очень свежа была в памяти летняя полумесячная “эпопея” с его утоплением в водах реки Брянты, поэтому эти сорок километров мы предпочли по-молодецки пройти пешком.

Хотя тремя годами раньше мы уже дважды преодолели этот путь, от этого он не стал легче. Тропа временами шла по мягким, как перина, моховым болотам. Раскатывая болотные сапоги, несколько раз нам приходилось переходить реку вброд.

За пару дней маршруты на Аку были сделаны, пора было возвращаться на базу. Как было задумано ещё раньше, дальше шли поврозь. Мы с Андреем уходили вверх по Тас-Юряху для отбора проб на проявлениях редкоземельных элементов, а попадать на Имангру намевались по Илин-Сале, перевалив через хребет. Слава же отправлялся назад по

старому маршруту один, благо он был вооружён карабином. Техника безопасности работ в экспедициях запрещает передвижение в одиночку, - иногда это заканчивается печально, - но вряд ли найдется хоть один геолог, не нарушавший подобные правила. В очередной раз это сделали и мы.

Наш путь с Андреем значительно удлинился и усложнился, но мне захотелось попасть в места, где в гольцах произрастал “эрзац-женьшень” – золотой корень или, по научному, родиола розовая. Не скажу, чтобы я испытывал острую необходимость его употреблять, - в возрасте Христа на здоровье грех было жаловаться, - но вот своих родителей поддержать хотелось. Было также желание посмотреть новые места, ведь все геологи заражены вирусом туризма (хотя настоящих туристов не очень жалуют) и стараются не упустить возможность пройти путь новым маршрутом, даже если он заведомо труднее. Как раз об этом свидетельствовала топографическая карта, - хребет на ней был весь коричневым с характерной штриховкой наверху. Так обозначаются обрывистые скалы, высокогорные долины - кары.

Уговорились со Славой, что придём на четвёртый день. Он пообещал к семи часам приготовить баньку, с тем мы и разошлись в разные стороны.

Километров пять, то по тропе, то по галечным пляжам мы шли вместе с тремя местными геофизиками, лагерь которых располагался в десяти километрах выше. Остановились на привал на речной косе. Один из наших попутчиков достал удочку, встал на перекате и начал выхватывать из воды одного за другим серебристых хариусов. Я тоже решил попытаться рыбацкого счастья, и мне тоже удалось поймать несколько приличных экземпляров. Хариус - очень чистая рыба, поэтому без риска чем-нибудь заразиться, мы съели рыбу сырой, только слегка её присаливая.

Первый экскурс в былое. Приморье

Есть мнение, что “лучшая рыба - это колбаса” (при этом всегда добавляется, что «лучшая колбаса – это чулок с деньгами»). Однажды мне довелось принести с рыбалки именно этот продукт питания. Случилось это в Приморье, когда я работал был мэнээсом в Дальневосточном Геологическом институте, располагающемся в пятиэтажном здании, утопающем в зелени на северной окраине Владивостока. Мы работали в Ольгинском районе на небольшой речке Брусиловка, неподалеку от брошенного одноимённого села. В нём жили только два человека: дед с бабкой, приехавшие сюда вместе с родителями ещё до революции.

Угощая меня своим мёдом, дед рассказывал, как мальчишкой плыл на теплоходе из Владивостока до Ольги, с ними была корова, ещё какая-то живность. Село поначалу было большим и многолюдным. Дед говорил, что его название было дано в честь знаменитого генерала Брусилова, сумевшего в ходе Первой мировой войны, нанести сокрушительное поражение немецким войскам. Селянам посоветовали его дать в надежде, как сейчас бы сказали – на спонсорскую помощь от знаменитого генерала, которому, разумеется, сообщили, о сем факте.

Как обычно, на берегу речки, - по размерам, скорее, ручья, - я поставил для себя палатку, а лаборант Женя Бочарников, - вечный студент Владивостокского университета, и водитель Геннадий Козлов, полный тёзка и однофамилец какого-то беглого уголовника – его портреты были тогда развешаны на всех углах Владивостока, - по обыкновению ночевали в просторной будке автомобиля. В Ольге мы купили кое-что из продуктов, в том числе батон варёной колбасы. Стояла вторая половина лета, было жарко, поэтому я засунул его в прохладный ручей под корягу.

На второй день с утра увидел, что возле нашего лагеря крутятся две дворняги, и как они что-то утащили с нашего раскладного стола. Вспомнил про колбасу, - нехорошие подозрения шевельнулись в голове. Сходил на ручей, заглянул под корягу, - батона не было. Сразу после этого я торжественно пообещал не пожалеть карабинных патронов для хво-

статых расхитителей нашей собственности, в душе, конечно, понимая, что пожалею, но вовсе не патронов, - этого добра у нас было навалом, - а четвероногих “расхитителей”, испытывающих естественное желание полакомиться деликатесом.

На другой день решил побросать на ручье удочку, - коли, у нас не стало колбасы, так хоть свежей рыбки поесть. Переходя от ямки к ямке, в каждой из которых я изымал по несколько форелек и пеструшек, метров через сто уткнулся в перегородившую ручей сетку. Ею был огорожен питомник пятнистых оленей, - я знал об этом, и ещё раньше подходил к сетке со стороны дороги, чтобы в бинокль полюбоваться на красивых животных.

Рассеянно посмотрел, как вода фильтруется сквозь сетку и вдруг между каких-то палок, другого мусора, увидел покачивающимся на волнах, словно атомная подводная лодка у причала в миниатюре, только без боевой рубки, наш батон колбасы. С рыбалки я вернулся с колбасой, рыбой и безоговорочной реабилитацией дворняг, подвергнутых острой критике с обещанием применить самые строгие санкции по ложному обвинению, основанному лишь на факте их присутствия вблизи объекта, с территории которого исчезли некоторые продукты.

На Тас-Юряхе

После удачной рыбалки мы расстались со своими временными попутчиками, пообещав прийти ночевать в их палатку, полазили по склонам, нашли то, что искали, и, закончив первую часть маршрута, на берегу устроили обед. Разложили на галечном берегу костёр из плавника, поставили варить чай. Стояло “бабье лето”, было по-летнему тепло, поэтому я сбросил с себя мокрый от пота энцефалитный костюм, разложил его сушиться на солнышке. Пока закипал чай, снова решил покинуть удочку в омут чуть выше бивака, где наверняка крутились хариусы.

Проходя по заросшему кустами бережку, наклонился, чтобы сорвать несколько ягод брусники, соблазнительно красневших на зеленом одеяле глянцевого листочков. Дотронувшись до первой кисточки, я вдруг почувствовал резкую боль, как будто к ягодам был подключён электрический ток высокого напряжения. Причина возникновения болезненных ощущений была на поверхности ... моей правой руки, в тыльную часть кисти которой вцепилась оса. Мне бы смахнуть её левой, но она была занята удочкой, поэтому я стал яростно трясти укушенной правой рукой, пытаюсь стряхнуть озверевшее насекомое. Не тут-то было: подобно маленькому бульдожку, оса и не думала отцепляться.

Догадавшись, наконец, бросить удочку, прихлопнул осу. Однако торжествовать было рано, - в ту же секунду я почувствовал весьма болезненный укол в правый бок, а спустя мгновение – в живот. Надо сказать, что надетыми на мне остались только предмет туалета, с некоторых пор заменяющий людям набедренные повязки, да раструбами вниз болотные сапоги. Только тут я обнаружил, что вокруг вьётся ещё два-три десятка полосатых хищниц. Ни подсчитывать их, ни садиться с ними за стол переговоров для заключения сепаратного мира, - военные действия ведь уже были начаты с обеих сторон, - времени не оставалось. Меня вдруг объял животный ужас, ведь даже сам хозяин тайги медведь, обладатель густого меха и толстой кожи, побаивается лесных пчёл и ос. Если бы я был одет в привычную одежду полевика – штормовку или энцефалитку, то не испытывал бы, конечно, такого чувства незащитности, какое, наверное, ощущает краб-отшельник, неосмотрительно покинувший свою ракушку.

Мне предстояло сделать выбор между двумя способами поведения, и как можно быстрее. Можно было кинуться бежать сквозь кусты, рискуя исцарапать о них своё ничем не защищённое тело, но при этом не было никакой гарантии, что осы отстанут, ведь скорость их полета явно превосходила быстроту бега полуобнаженного человека в болотных сапогах по местности, пересеченной множеством естественных препятствий. Альтернативой же этому решению было вот что: прыгнуть в омут неопределенной глубины.

Мгновенно проанализировав обе эти возможности, мой внутренний голос уверенно скомандовал: “Прыгай, хозяин, скорее, – время не ждет!” Не скажу, чтобы я всегда к нему

прислушивался, своему внутреннему голосу, считая его не очень серьезным, но это его “постановление” из-за нехватки времени на обдумывание сразу ”ратифицировал” и “принял к исполнению” - махнул с обрывистого берега в воду.

Лететь было не больше двух метров, и скоро я оказался по пояс в ледяной воде, которая в первый момент даже не показалась холодной. Осы, привыкшие, видимо, к тому, что от них убегают исключительно в горизонтальном направлении, были явно сбиты с толку этим моим манёвром, - преследования не было. Лишь впившаяся в бок одна золотистая разбойница, словно рыба пиранья, продолжала меня терзать, но теперь-то силы были явно на моей стороне и, оставшись с ней тет-а-тет, я легко смахнул её в воду. Подхваченная течением, она поплыла вниз и тут же была проглочена расторопным хариусом. Рассматривая гибель осы как справедливое возмездие за причинённую мне боль, успел злобно подумать: “*Так тебе и надо!*”, потому что в тот момент совершенно искренне жаждал крови напавших на меня насекомых, хотя всегда симпатизировал представителям этого отряда.

Озираясь вокруг, я ещё постоял в воде, готовый в любую секунду нырнуть с головой, и только убедившись, что осы потеряли меня из виду, перебрёл реку, на мелком перекате вернулся на свой берег, вылил воду из сапог и подошёл к костру. Всё это время Андрей сидел у костра, вдыхая попеременно ароматы то золотой осени, то дыма своих сигарет, и с удивлением наблюдал, как я прыгаю в реку прямо в сапогах. Ему не терпелось узнать причину моего такого поступка, - он знал, конечно, что я купаюсь в любых лужах вне зависимости от температуры воды и окружающего воздуха, но не в сапогах же, это было уж слишком.

Переодеваясь в сухое бельё, рассказал, почему мне пришлось вдруг нырнуть в реку. Вместе посмеялись, потому что ситуация была довольно комичной. Я поставил сапоги поближе к костру сушиться, и, согреваясь, попил очень кстати подоспевшего чая.

Пока я обсыхал, Андрей тоже решил порыбачить. Чтобы подобрать брошенную удочку, с предельной осторожностью он посетил место моего сражения с осами, каковых не обнаружил, - они как в воду канули, хотя сказать уверенно, что дело обстояло именно так, можно было лишь об одной представительнице жалящего племени, уже включившейся в желудке хариуса в процесс его пищеварения. Наверное, осы удовлетворились изгнанием меня из своих владений и спрятались в дупле дерева или в земле, поскольку их подвесных жилищ Андрей не заметил.

Он кидал удочку в омут, а я сидел спиной к костру и легкому, совсем не холодному ветерку и любовался тайгой, расцветившейся ночными заморозками в золотистые тона. В лазурном небе тонули наряженные полыхающим осенним огнём сопки. Сразу позабыв о только что перенесенном потрясении, я наслаждался всей этой красотой, тишиной и покоем. От горящего плавника мимо проплывал ароматный дым, и не хотелось, чтобы это великолепие когда-либо кончалось.

И тут мистическими совпадениями с только что произошедшим приключением, мне припомнилась другая история, случившаяся со мной совсем в другом месте и при иных обстоятельствах.

Тринадцать лет тому назад, в Саянах

В полевом сезоне семьдесят второго года, в должности коллектора Дототской партии Красноярской геолого-съёмочной экспедиции в горах Восточного Саяна я проходил первую производственную практику. Базовый лагерь нашего отряда стоял в лесочке на правом берегу реки Аныяк-Тооргу-Оос-Хем. Впрочем, на карте в скобках стояло и второе, более короткое её наименование - Шеннелиг-Хем. Очень многие реки в Туве имеют в своем названии этот довесок – “Хем”, что в переводе с тувинского означает “река”.

Именно в Шеннелиг-Хеме я поймал первого в своей жизни хариуса и пристрастился есть эту нежную рыбу абсолютно сырой. Бывалые геологи показали мне также, где и как

растет золотой корень, и рассказали о его чудодейственной силе, уступающей лишь легендарному женьшеню. Недавно отметившему свой двадцатилетний юбилей, тогда мне тем более не требовались тонизирующие средства, но своим родителям, которым уже было сильно за пятьдесят, я решил по осени корня заготовить. В самом конце практики, в первых числах сентября, такая возможность мне представилась.

Большая часть нашего отряда к тому времени находилась на выкидном лагере выше по Шеннелиг-Хему, а я на базовом ждал вертолёта для вылета на “большую землю” – сначала на базу партии, а затем в Нижнеудинск с промежуточной посадкой в Алыгджере, столице не отмеченной на картах “Страны Тофаларии”.

До установленной даты прилёта вертолёта, - о ней было заблаговременно сообщено по радиации, - было несколько дней, поэтому, воспользовавшись свободным временем и отсутствием начальства, я решил в одиночку сходить за корнем. Место его обильного произрастания мне было известно. В одном из переходов на очередной выкидной лагерь в долину соседней реки Соруг, - почему-то без «Хем», - в зоне альпийских лугов мы натолкнулись на густые заросли родиолы розовой, хоть косой её коси (литовка, впрочем, здесь не помощница, ведь были нужны не “вершки”, а “корешки”). Тот переход запомнился мне ещё и по другой причине, о чём сначала хочу поведать.

Утром намеченного для переброски дня, мне, никогда не жаловавшемуся на отсутствие аппетита, по совершенно непонятным причинам принимать пищу не хотелось вовсе, поэтому за завтраком я ограничился кружкой чая. Караваном из пяти ведомых за уздечку навьюченных лошадей мы вышли в путь. Мне досталось вести капризного мерина, которого в честь какой-то знаменитости партии, а может и всей экспедиции, звали Евгением Ивановичем Коваленко. Иногда он принимался отчаянно лениться, и тогда мне приходилось тянуть его изо всех сил. На плечах я нёс рюкзачок с двумя радиометрами, – эти высокоточные приборы нельзя перевозить во вьюке, поскольку лошадь может ударить его в узком месте о дерево или упасть.

Насколько может быть реальной подобная ситуация, мы убедились сразу после выхода в маршрут. Ещё не скрылся из виду дымок от костра в нашем лагере, - на две недели там остался дежурить один из рабочих, могучий бородатый парень Вася Никитюк, - как идущая передо мной обычно смиренная кобыла Белая, которую, возможно, укусила какая-то муха, вдруг вырвалась из рук ведущей её нашей поварахи Лариски, и, развернувшись на узкой тропе, бросилась прямо на меня.

Увидев перед собой обезумевшее животное, ни секунды не раздумывая, я рыбкой прыгнул в стоящий рядом с тропой усыпанный крупными ягодами куст жимолости, - я ведь не “русская женщина”, которая, как всем известно, “коня на скаку остановит...” Сделать именно это своим истошным криком: *“Держи её!!!”* посоветовал мне кто-то из каравана.

Едва не сбив со всех четырех его копыт плетущегося за мной Евгения Ивановича, не разбирая дороги, и почти сразу потеряв вьюк, Белая ускакала в тайгу. Только через полчаса, верхом на ней, уже пришедшей в себя, вернулся к нам посланный на поиски лошади Миша Бирюков, молодой художник из Красноярска, приехавший в Саяны за этюдами, и работающий по совместительству маршрутным рабочим-радиометристом, и, как выяснилось только что, укротителем ужаленных лошадей.

Тронулись дальше. Минуло обеденное время, но остановка не была предусмотрена, - нужно было засветло придти на место выкидного лагеря, куда накануне уже слетал вертолёт с двумя “пионерами” и частью груза на борту. Солнце начало клониться к гористому горизонту, когда я почувствовал, что проголодался.

У спортсменов-стайеров, особенно у лыжников, есть такое понятие: «заголодать на дистанции», когда кажется, что силы полностью иссякли, и если не съесть какого-нибудь легко усвояемого продукта - кусочка шоколадки, лимона, обсыпанного сахаром, или не выпить сладкого морсу или чаю, - то можно полностью остановиться или даже упасть обессиленным. Чтобы не наступало такое крайне нежелательное состояние, спортсмены

берут с собой на дистанцию употребляемые по мере необходимости сладости, бутылочки с морсом или сладким чаем. Кроме того, на правильно организованных соревнованиях устанавливаются пункты питания, где можно чем-нибудь подкрепиться.

К такому повороту событий я совершенно не был готов, - карманы мои были пусты, а пункты питания, разумеется, не попадались. Благо ещё, что вдоль тропы то и дело попадалась черемша, которую я жевал, срывая на ходу, - останавливаться было нельзя, ведь тогда на меня навалился бы широкогрудый Коваленко, а сзади, буквально наступая ему на задние копыта, шёл с лошадей другой проводник.

Вот, наконец, и привал. Увы, вьюки были надёжно увязаны, и открывать их никто не собирался. Конечно, можно было попросить кормления, вот только не хотелось проявлять свою слабость, тем более в присутствии девушек. Среди них - дочка геолога Глеба Гавриловича, шестнадцатилетняя Оленька Семёнова. Когда она смеялась, на щеках у неё образовывались очаровательные ямочки.

Нужно было также остерегаться насмешек, пусть и беззлобных, нашей золотоглазой поварихи Лариски (в "золотой истории" девичьи глаза могут быть только такими!), избравшей меня в качестве объекта всяческой критики. Внешними параметрами и своим нравом она напоминала мне суматошную героиню Лидии Румянцевой из фильма "Девчата". Однажды, резвясь, я выдохнул в её волосы (разумеется, золотистые) струю сигаретного дыма, и едва устоял на ногах, получив от неё сокрушительный удар в подбородок. Потом мы, конечно, быстро помирились, но, опасаясь за своё здоровье, больше я ничего такого себе не позволял.

Но всё же пуще огня боялся я геофизика Лиду Глазырину, обеспечивающую проведение обязательных при геологической съёмке радиометрических исследований. Она закончила недавно геологоразведочный техникум, поэтому я звал её "Молодым Специалистом", - так она сама представилась, - или просто "Специалистом", а она мне сразу и бесповоротно присвоила псевдоним "Студент". Лида была всего на год старше, но в отношениях со мной взяла покровительственный тон. Устно и письменно в вывешиваемой на толстой лиственнице "настенной" газете она высмеивала мои многочисленные недостатки или похождения, в общем, всячески меня рекламировала. Когда она уж очень сильно наезжала, я делал вид, что сержусь, и угрожал, что из-за неё брошу петь по ночам у костра, где собиралась вся молодёжь нашего отряда - человек восемь. Фанатка туризма и ночных песнопений, она делала вид, что пугалась этих моих санкций и на время прекращала свои нападки.

В конце сезона, собрав все свои эпиграммы и добавив новый, богато иллюстрированный карикатурами материал, Лида выдала целую поэму, которую назвала "Любимому Студенту", хотя о любви в ней ни слова не было. Чтобы не быть голословным, приведу из неё отрывок. В открытой печати он публикуется впервые и без разрешения автора, - Лида, прости, если что не так!

...Наш начальник Сергей Палыч / Про студентов сказал так: / "Я считаю, что студенты - / Злейший внутреннейший враг!" / Что он не даром так сказал, / Студент на деле доказал... / ...Камералка, камералка, - / Сплошь сидячая пора. / У Студента хитрый планчик / Есть в наличии с утра: / Он сегодня, как обычно, / За столом уж не шумит. / И "Давай еще добавки!", - / Студент тоже не кричит. / После завтрака: "Спасибо", - / Поварихе он шепнул, / И тихонько, незаметно / Вдоль начальства прошмыгнул, / Сквозь кусты ползком продрался - / На поляне распластался. / Солнце грудь ему печёт, / А Студент лежит, поёт: / "Я от повара ушёл, / От Демьяновых ушёл, / И от Глебушки ушёл, / И не просто ушёл, а ушёл и ушёл!" / На беду, мимо Студента / Миша с "азимута" шел: / "Зря так весело поёшь, - / От меня ты не уйдёшь!" / И слегка его помяв, / Прихватил на лесосплав. / ... Все Студентовы грешки / Можно долго вспоминать, / Вообще ж таких студентов / Надо просто убивать. / И, сравнивая поколения, / Вспомнив молодость в момент, / Скажем мы, на Гену глядя: / "Нет, не тот пошел студент! / Есть, конечно, кое-что, / Но не то, не то, не то!"

Вот и “вся любовь”, - убивать надо таких “любимых студентов”! Бесхитростным, в общем-то, этим стихам требуются комментарии. Ходить «по азимуту» на сленге нашего отряда означало то же самое, что и “до вітру” на малороссийской «мове». Упомянутым же в поэме лесосплавом мы занимались по причине полного истощения топливных ресурсов в окрестностях лагеря, наступившего к середине сезона, ведь всё приходилось готовить на открытом огне. Много дров сжигалось при выпечке хлеба в изготовленной из двухсотлитровой бочки с вырезанным дном импровизированной печи. Немало топлива требовали установленные в палатках печки, - их приходилось растапливать даже в середине лета, - и баня на речной косе.

Баня представляла собой сложенную из крупной гальки «печь», которую нужно было топить целый день. Вечером над ней натягивали старую палатку, - баня готова, извольте париться! Из неё, как из преисподней, мы прыгали прямо в глубокий тихий омут. Хоть и принято говорить, что именно в таких омутах черти водятся, но сразу после невыносимого жара он казался раем.

Наши ночные посиделки с песнями у костра, когда я своим то ли баритоном, то ли тенором долго не давал спать нашим начальникам, тоже сопровождалось сжиганием большого количества дров, поэтому, чтобы пополнить их запасы, с топорами и пилами мы шли вверх по берегу, рубили там сухостой, вязали из бревен плоты и верхом на них сплавлялись вниз, что стало любимым занятием для нас, ищущих приключений. Это был тот самый редкий случай, когда полезное весьма удачно сочеталось с приятным.

Должен признаться, что за основу в приведённом выше отрывке поэмы был взят вполне реальный факт, пустяковый, в общем-то, но раздутый Лидой до размеров служебного преступления. В один из редких погожих дней, назначенный камеральным, когда обрабатывается собранный в маршрутах материал, я решил немного понежиться под лучами скупого саянского солнца, ведь в маршрутные и в выходные по причине дождливой погоды дни было не до загорания. За этим приятным занятием меня и застали врасплох супруги Демьяновы – наш начальник Сергей Павлович и его жена, тоже геолог, Галина Петровна, а не Миша вовсе.

Никаких санкций по этому поводу не было, никто меня, разумеется, не мял, но Лида вцепилась в этот сюжет мёртвой поэтической хваткой и присочинила от себя кое-какие детали. Любопытно, что в поэме она выступает представителем другого поколения, полагая, что её оставшаяся в воспоминаниях молодость далеко позади. Понятно, впрочем, что это всего лишь литературный приём, потому что на пожилую тётку она никак не тянула, – брюки у неё были украшены погребальными крестами, черепами с костями – “не влезай, - дескать, - убую!”

Я представил себе, как Лида изображает меня выпрашивающим на коленях какую-нибудь еду, и предпочел умолчать о том, что от голода едва стою на ногах и готов корову съесть, или хотя бы лошадь, - к слову сказать, я давно “точил зубы” на ленивого Евгения Ивановича. Решив продолжить вегетарианство, в поисках черемши отошёл в сторонку от отдыхающих товарищей и почти сразу напал на заросшую диким луком полянку. Кто видел фильм “Мертвый сезон”, тот наверняка вспомнит хронику, в которой подопытные люди, на которых нацисты ставили свои бесчеловечные эксперименты по их зомбированию, охаживали ели обыкновенную траву. Оказавшись на луковой полянке, совершенно добровольно так же поступил и ваш покорный слуга.

Хочу в этом месте заметить, что лук и черемша, – плохая замена шашлыку и даже корочке хлеба в ситуации, когда голод вцепляется мертвой хваткой, делая чужими руки и ноги, оставляя для человека одну возможность – бессильно лежать. На это я пойти не мог, не хотел давать Лиде нового материала, - без моей помощи она и так находила его в достатке. Собрав волю в кулак, не проронив ни единой жалобы, я пошёл вместе со всеми и всё-таки дошёл до лагеря. Будь я североамериканцем, то после того, как мой подопечный Евгений Иванович был разгружен, разнуздан и отпущен пастишь, рухнув на траву, из последних сил, наверное, воскликнул бы: “I have done it! - Я сделал это!”

Спортивный антракт

Чтобы уж совсем закрыть тему, возвращаясь к спортивному заголоданию, поведаю, как я испытал и это сомнительное удовольствие. В окрестностях уральского города Миасса однажды я принял участие в так называемом Тургоякском лыжном марафоне, протяженностью сорок пять километров. Потом я шутил, что в свои сорок пять просто обязан был сделать это, а вот когда мне семь раз по десять стукнет, можно замахнуться и на другую традиционную миасскую гонку “Азия-Европа-Азия”, протяженностью как раз семьдесят километров.

И в столь почтенном возрасте я остался не менее легкомысленным, чем в двадцать лет, - отправившись в столь длинный путь, не взял с собой ничего питательного.

Ещё перед стартом я решил, правда, что если гонка с самого начала у меня не пойдёт, то пойду на пятнадцатикилометровый круг, - устроители соревнований предусмотрели и такую дистанцию. Добежал до места, где ещё можно было свернуть, - это я и собирался сделать, поскольку выяснилось, что мне не удалось попасть в парафин, и мои лыжи прилипали к снегу, делая невозможным применение свободного стиля, поскольку после особенно мощных толчков палками я буквально падал грудью вперёд. И вот тут, немного поколебавшись, я всё же проскочил поворот на короткую дорогу к финишу, подкрепился солёными сухариками на пункте питания и бесшабашно кинулся на дистанцию втрое большую.

Когда на двадцать пятом километре я почувствовал, что погорячился, поворачивать стало уже поздно, - путь впереди был уже короче пройденного. На середине длинного тягуна я вдруг понял, что если на ближайшей сотне метров не положу в рот чего-нибудь калорийного, то упаду в белый пушистый снег и без посторонней помощи уже не встану. Безвыходных положений не бывает, - буквально через десяток с трудом давших мне шагов, рядом с лыжнёй лежала полулитровая пластиковая бутылочка с клюквенным морсом, которую бросил кто-то из бегущих впереди лыжников, удовлетворившийся двумя третями содержимого.

Наплевав на правила гигиены, я не преминул воспользоваться этим подарком Судьбы. Едва морс был выпит, будто крылья у меня за спиной выросли, - я легко взял тягун, сразу “достав” давно маячившего впереди лыжника в костюме телесного цвета, как мне виделось издали, а оказавшегося, несмотря на пятиградусный мороз, голым по пояс, затем подкрепился на втором пункте питания и продолжил бег до финиша. Высокого места на тех соревнованиях я не занял, но, по утверждению Платона, самую важную в жизни победу - над собой - одержал, имея полное право снова прохрипеть: “Я сделал это!” На Тургоякском марафоне, кстати, я бегал несколько раз и после, но всегда с шоколадом в кармане.

Снова в Саянах

Возвратимся, однако, на берега Шеннелиг-Хема, откуда я затеял свой первый поход за золотым корнем. Предстояло повторить тот самый “голодный” маршрут, благо тянуть упирающегося Коваленко уже не требовалось.

Неприятности у меня начались за завтраком. Ещё накануне вечером я откупорил банку сгущённого молока, пробив ножом две дырочки в крышке. Ничем не покрытая, - надетая на неё кружка идеально подходит для этой цели, - она простояла всю ночь на кухонном столе, и когда наутро, заранее жмурясь от предвкушения удовольствия, я присосался к одной из дырочек, вдруг вместе со сгущенкой почувствовал во рту какой-то комочек. Думая, что это всего лишь сгусток молока, попытался раздавить его во рту, и... даже вскрикнул от неожиданности, когда этот “комочек” пребольно ужалил в самый кончик

языка. Выплюнул его с проклятиями и с удивлением увидел на земле перепачканную сгущённой живой осу.

С постоянно вьющимися под натянутым над обеденным столом тентом золотистыми осами мы жили на принципах мирного сосуществования. Наблюдая, как они хватают мух и паутов, и утаскивают куда-то на экзекуцию, мы считали их полезными, почти домашними, совсем, как кошек, истребляющих мышей. За весь сезон не было случая, чтобы осы ужалили кого-нибудь из нас, - мне довелось стать первой их жертвой. Вскрыв ножом банку, обнаружил ещё десятка два их, забравшихся внутрь за бесплатным деликатесом, оказавшимся для них "сыром в мышеловке". Сняв ложкой верхний слой, состоящий процентов на пятьдесят из копошащихся насекомых, бросил на землю, - на радость вездесущим муравьям, которым блюдо "оса в сгущённом молоке" прежде и не снилось.

Укус для языка бесследно не прошёл, - он сразу распух, с трудом помещаясь во рту. Слушая мою речь, Миша не мог удержаться от смеха, - доброжелательного, впрочем. Закончив экипировку и захватив с собой мешочек баранок и баночку сгущённого теперь уже какао, с трудом ворочая вдруг потолстевшим языком, я прошепелявил: "Пока, Миха, я похолол", и двинулся в путь.

Раздавшийся в размерах язык, в общем-то, особых неудобств мне не доставлял, вести беседу мне было не с кем, разве что "тихо сам с собою". Тропа, натоптанная стадами оленей, которых по этим местам тувинцы гоняли на летние пастбища, часа за три привела меня к перевалу.

Тут я вдруг почувствовал головную боль, сначала слабую, но ежеминутно усиливающуюся. Спустился к плантации золотого корня, приступил к его добыче, выбирая самые крупные экземпляры. Пропорционально увеличивающемуся их количеству в моем рюкзаке усиливалась боль в голове, перед глазами поплыли чёрные круги. Всё же я успел набить рюкзак отборным корнем, затем полежал на травке возле ручейка и подкрепился коричневой сгущёнкой и баранками, запивая продукты родниковой водицею. Очень скоро всё это запросилось наружу, и я не стал удерживать, - насильно ведь мил не будешь.

Повернул назад. Иногда силы покидали меня, и я карабкался вверх на четвереньках, хватаясь руками за траву. Выбравшись на плоский перевал, лёг на землю и на время отключился, - то ли уснул, то ли потерял сознание, что, в конечном счёте, одно и то же. Полежав с полчаса, побрёл вниз, что давалось мне уже значительно легче, чем подъём. В какой-то момент я вдруг почувствовал, как боль, «что скворчёнком стучала в виске», постепенно стихает, вернулись силы, - кризис явно прошёл. Так же быстро моё состояние стало быстро улучшаться, и я даже загорланил песню на радостях, благо на десяток километров вокруг было безлюдно, вертеть у виска пальцем, кивая в мою сторону, было некому. В лагерь я входил здоровым и весёлым.

На Тас-Юряхе

Ничем другим, как укусом осы, эволюции своего состояния объяснить тогда я не мог, и вот теперь, через много лет мне представилась возможность проверить действие осинового яда на мой организм. Интригующим в этой истории было то обстоятельство, что она снова случилась непосредственно перед походом за золотым корнем.

Не скажу, чтобы я сильно опасался каких-то негативных результатов, хоть и слышал о летальных исходах в похожих ситуациях. Недружелюбное поведение ос не смогло испортить мне настроения, и я продолжал впитывать в себя неопишемую таёжную красоту, - лучше её один раз увидеть, чем прочитать о ней груды книг. Вдруг я заметил, что дым от костра как-то слишком почернел, и резко запахло палёной резиной. Как будто ужаленный, теперь уже не осой, а страшной догадкой, я резко обернулся и увидел такую жуткую картину, - мои сапоги опрокинулись в огонь и ярко горели, став источником чёрного дыма и зловония. За какие-то полчаса мне вторично пришлось ужаснуться, ведь остаться в эту пору посреди тайги без сапог, когда отовсюду течёт и выжимается ледяная вода, означало

иметь весьма неприятные ощущения, и большие проблемы со здоровьем в ближайшем будущем.

Выхватив сапоги из костра и залив водой язычки пламени, с горечью убедился, что они почти полностью перегорели по сгибу и, оставшись сапогами, в качестве болотников прекратили своё существование. Отрезав раструбы, бросил их в костёр, предоставив огню довершать свое чёрное дело.

Немного поразмыслив, однако, и учтя то обстоятельство, что длинные сапоги мне понадобятся лишь на Илин-Сале и Имангре, я довольно быстро пришёл к выводу, что дела не так уж плохи, ведь на глубоких бродах там можно было раздеться, или “переехать” верхом на Андрее, у которого с сапогами было всё в порядке

Всем давно известно, что худа без добра, не бывает. «Добро» и тут довольно явно обозначилось, и заключалось вот в чём. Путь нам предстоял неблизкий, в том числе через крутой перевал, и иметь облегчённую обувь путём её обрезания в этой ситуации было очень большим плюсом. Ободрённый такими размышлениями, вместе с подошедшим Андреем я опять от души посмеялся над своим ещё более свежим приключением. Весёлое, в общем, место мы выбрали для обеда, - наш жизнерадостный смех то и дело нарушал сонное течение жизни в этом отдаленном от цивилизации уголке.

А края здесь действительно были глухими. На титуле нашей карты-двухкилометровки, на том месте, где обычно стоит название наиболее крупного населённого пункта, расположенного в площади данного листа, было скромно написано: “зим. Купеческое”. С большим трудом, на самом южном краю карты, я нашёл чёрный прямоугольничек, обозначающий это зимовье со столь необычным для безлюдных мест названием. Оно, возможно, уже давно брошенное, было единственным “населённым пунктом” на листе площадью в три с половиной тысячи квадратных километров.

Пока что Тас-Юрях мог считаться относительно обжитой рекой, и то лишь летом и осенью, когда по его берегам бродили геологи, но пройдёт пара лет, и над ней опять воцарится безмолвие, нарушаемое лишь тьякканьем косуль, рёвом медведя, да хрустом гальки под копытами оленей.

Уже затемно подошли к лагерю геофизиков. В их большой, отапливаемой походной печкой палатке нашлось место и для нас. Хозяева уже неплохо знали окрестности и, узнав о нашем желании поискать золотой корень, показали на карте место, где он растёт, - в ледовом цирке с озером, оставшемся после того, как ледник, образовавший и когда-то полностью заполнявший цирк, полностью растаял. Озеро было отмечено голубым пятнышком, прилепившимся к самому водоразделу.

Перевалив затем через хребет, мы сразу попадали в бассейн правого притока Илин-Салы, ручья Большие Кадарчи, - веер его мелких истоков притыкался к хребту с противоположной от нас стороны. На самом верху мы должны были пересечь безлесные скальные участки и уже предвкушали восторг от открывающихся сверху видов.

В тесноте, да не в обиде переночевали у геофизиков. Наутро Андрей заметил, что мой лик приобрёл некоторую припухлость, отличную от обыкновенной утренней, и в голову закралась мысль, что это - реакция на вчерашние осиные укусы. Тем не менее, чувствовал я себя хорошо.

В этот день нам нужно было найти ещё одну точку редкоземельной минерализации на ручье Баякит, впадающем в Тас-Юрях как раз напротив лагеря, поэтому мы вышли только после полудня.

Путь был хоть и без тропы, но относительно нетрудным. К вечеру безо всяких приключений мы добрались до озера. Ещё издали я сразу присмотрел только одну ложбинку, пригодную для роста золотого корня, - в других местах склоны были завалены глыбами пород, вверх они переходили в отвесные скалы.

Сбросив рюкзак на травянистой полянке среди кустов кедрового стланика, - большие деревья здесь уже не росли, - я добрался до ложбинки и убедился, что корня там осталось на одну заварку. Не огорчившись этим обстоятельством, я полностью разделся и искупал-

ся, поскольку омовение во всех попавшихся на пути озёрах и в глубоких омутах на реках – моё хобби, и за многие экспедиции я только три раза сделал исключение.

Не отважился я забраться в Кипящее озеро в кальдере Головнина на Кунашире, опасаясь ненароком свариться в нём из-за внезапного выброса перегретых глубинных вод, - кипящим оно названо из-за непрерывного бульканья поступающих к поверхности глубинных вулканических газов. Не сунулся я также в кратерное озеро вулкана Эбеко на Парамушире, – вода там представляла собой раствор серной кислоты, оценивать своей кожей степень концентрации которой, я благоразумно не стал. И, наконец, у меня так и не возникло желания окунуться в абсолютно непрозрачные воды безбрежного озера Болонь на Нижнем Амуре.

Перед погружением в холодное и чистое высокогорное озеро, подобно Нарциссу, я получил, наконец, возможность полюбоваться на своё отражение, и вынужден был признать, что укусы ос сказались в изменении формы лица, - оно заметно припухло и округлилось. Чувствовал я себя, однако, необыкновенно бодро, как будто осиный яд на этот раз подействовал, как допинг на спортсмена.

Пока я занимался водными процедурами, на берегу ручья, вытекающего из озера, Андрей запалил костер и повесил над ним солдатский котелок, в котором мы обычно варили какую-нибудь кашу, сдобренную тушёнкой, раскладывали её по тарелкам и, помыв, снова ставили котелок на огонь, чтобы вскипятить воду уже для чая. Пока готовился ужин, занялись подготовкой ночлега, - нарубили лапнику, сделали из него шалаш, устлав и землю толстой хвойной периной. На случай дождя положили сверху тент, - он должен был изолировать нас и от холодного ветра.

После ужина посидели у костра, любуясь звёздным небом, изредка прочёркиваемым метеорами, - светящимися полосками, оставляемыми сгорающими в атмосфере метеоритами. Через несколько лет мы узнали, что один из них, весом почти в полцентнера, когда-то, возможно, сотни лет назад, приземлился на водоразделе между Тас_Юряхом и Илин-Салой. С помощью своих приборов под слоем мха его посчастливилось обнаружить тем самым геофизикам, с которыми мы коротали предыдущую ночь. Ныне этот железный пришелец из космоса выставлен в геологическом зале Амурского областного краеведческого музея в Благовещенске, формированием экспозиции которого мне довелось заниматься спустя восемь лет после описываемых событий.

Ожидаемый нами холод всё не наступал, и это было и хорошо, и одновременно плохо. Хорошо потому, что всякое тепло, в том числе человеческое, приятно, но оно означало также, что в ближайшее время погода ухудшится. Опасения подтвердились, - вскоре напал туман, скрыв от нас космическое великолепие. Надев на себя все тёплые вещи, включая телогрейки, и заложив выход ветками стланика, мы забрались в шалаш, разлеглись на хвойной перине и уснули сном праведников.

Большие Кадарчи

Утром, едва высунувшись из шалаша наружу, мы поняли, что за комфортный сон придётся заплатить тем, что не видать нам красивых картин с хребта, как собственных ушей, поскольку даже озеро, до которого было рукой подать, скрылось в плотном тумане.

Сварили завтрак, собрали рюкзаки и полезли вверх по крутому каменистому склону. Чтобы не сбиться с пути, в сплошном молоке тумана шли строго вверх. Так нам, по крайней мере, казалось. Вот, наконец, и вершина, которую венчал каменный тур, сложенный из обломков метаморфических пород с весьма почтенным – архейским возрастом.

Немного отдохнули, посетовали, что туман лишил нас возможности полюбоваться потрясающими видами, когда вокруг возвышаются каменные волны хребтов, чернеют колодцы озёр, выются серебряные ниточки рек и ручьев, а в душу вползает неповторимая сладость первобытной тоски по полёту. Вместо всего этого великолепия мы видели, как под порывами ветра совсем близкие камни то проявлялись, то вновь проглатывались гус-

тым липким туманом, капельками садившимся на наши ресницы, а мне также на усы и бороду, тогда ещё не начавшие сесть.

“Надеть тёплые вещи”, - сказал я, наконец, вспомнив своего товарища по работе в Восточном Саяне, Анатолия Бабкина, который таким образом давал команду взвалить рюкзаки. А ведь действительно, что лучше них – до седьмого пота – разогреет в пути? Собрались уже двинуться дальше, но я решил всё-таки своим горным компасом уточнить направление движения. Каково же было моё удивление, когда компас и сориентированная по нему карта показали, что идти нам надо туда, откуда мы только что пришли.

Первая мысль была такая, что мы находимся на отклоняющей стрелку компаса магнитной аномалии, обусловленной наличием железистых кварцитов, довольно обычных в архейских метаморфических комплексах Приамурья. Другим, более простым объяснением этому феномену было то, что, поднимаясь в сплошном тумане, мы всё время невольно забирали в сторону, по дуге обогнули гору и вышли на вершину с противоположной стороны. Немного поколебавшись, всё же поверили прибору и, сверяясь с положением магнитной стрелки, начали спуск по заваленному глыбами крутому склону.

В какой-то момент вдруг показалось, что в наш с Андреем разговор кто-то всё время вмешивается. Покричали, - этот “кто-то” тут же громко откликнулся, – слышать такого разборчивого эха мне ещё не приходилось.

Наконец вышли из тумана. Насколько хватало глаз, внизу расстилалась долина Большого Кадарчи, резко поворачивающая направо после её соединения с Илин-Салой. Компас нас не подвёл.

Вскоре слева к нашему ручью приткнулся другой поток, более полноводный и бурный, заваленный окатанными глыбами пород. После слияния ручьёв они стали попадаться и на нашем пути, каскадами пошли водопады.

Стало очевидно, что мы идем по отложениям ледника, когда-то начинающегося в том самом, левом притоке, который и был основным руслом Большого Кадарчи. Несомненно, что именно в его верховьях находилась область питания ледника, в настоящий момент имеющая вид кара, - через три года я посетил его и убедился в этом, вот только озера там не было. Тысячи лет назад ледник заполнял всю долину, поэтому она приобрела характерный вид троговой, похожей на корыто. Её дно, по которому теперь петлял ручей, было выровнено ледником, поэтому идти по нему было довольно легко, хотя местами попадались болотистые участки, где скорость передвижения резко падала.

По обеим сторонам долины громоздились боковые морены. Обточенные ледником глыбы периодически попадались и в русле. За склонность к перемещениям в пространстве их называют эрратическими (от латинского *erraticus* – блуждающий). Впрочем, в их округлостях, несомненно, есть и что-то эротическое, позволю себе такую игривую игру слов (ну чем это последнее выражение хуже классического “масла масляного”?)

В километре от устья река вдруг превратилась в узкий каньон, представляющий собой каскад водопадов. Чтобы идти дальше, теперь нам нужно было карабкаться вверх на поросший кедровым стлаником левый склон, - правый, скальный, был непроходим вовсе. Именно это место, видимо, и дало название ручью, потому что “када” в переводе с эвенкийского означает “скала”

Весь день мы шли практически без отдыха, устали, и это препятствие, - конечная морена ледника, где глыбы были затащены на высоту четырёхэтажного дома, было нам весьма некстати. Эта преграда десять тысяч лет назад, - в эпоху последнего оледенения, - ограничивала длину ледника. Словно бульдозер, он нагрёб перед собой многометровый барьер, и, растаяв без следа, оставил нерукотворную плотину. Тысячи лет она преграждала путь воде, и ручей в своём нижнем течении, скорее всего, представлял собой длинное подпрудное озеро, такое, например, как Юс-Кюэль, – оно находилось рядом, на соседнем листе карты-двухкилометровки.

“Испорченный телефон”

С этим названием – Юс-Кюёль – был связан забавный случай. Двумя годами раньше вместе с профессором Степаном Степановичем Зиминым, известным дальневосточным петрографом, мы работали на месторождении Укдуска, в десяти километрах к востоку от бамовской станции Хани, единственной якутской на всем протяжении магистрали.

Наш лагерь располагался на старой базе геологов, на небольшой речке, - она брала из озера Юс-Кюёль не только его хрустальную воду, но также и само название. Ещё в городе мы договорились с директором АмурКНИИ, академиком В.Г. Моисеенко, что созвонимся с ним, и я скажу, где будет находиться наш лагерь, поскольку планировалась инспектирующая поездка по перспективным минерально-сырьевым объектам амурского участка БАМа. К ним относилось и месторождение апатита Укдуска на одноимённой горе, поблизости от нашего лагеря поднимающейся прямо из заросших морошкой марей и болот правильным вулканом.

По телефону я сообщил директору, что мы стоим на месте оставленного геологического поселка на ручье Юс-Кюёль, в десяти километрах от места его впадения в реку Хани. Он переспросил название, и я несколько раз его продиктовал, стараясь выговаривать максимально чётко, а надо бы по буквам: «Юля, Света, Катя, Юля, ёлка, Лена, мягкий знак, наконец»

В назначенный для прилёта день мы не пошли в маршрут, всматриваясь в ясное небо на северо-востоке. Показался вертолет "Ми-8", проплыл стороной над долиной Хани и ушёл в сторону станции, скрывшись за высокими сопками. *"Федот, да не тот!"*, - решили мы. Минут через тридцать он показался снова, сделал над нашим лагерем круг и плюхнулся на поляну неподалеку. Из вертолета вывалила толпа визитёров с В.Г.Моисеенко во главе, и два молодых парня, оказавшихся студентами-практикантами с геологического факультета МГУ, среди которых и мой нынешний попутчик Андрей Иванов, оказавшийся при более близком знакомстве законным зятем директора. Вторым был Слава Новиков, однокурсник и товарищ Андрея.

Сразу выяснилась причина позднего прибытия вертолётца. Оказалось, что его пилотами довольно безуспешно разыскивался ручей “Узкий Куль” и только на аэродроме в Хани догадливые хозяева распознали в нём истинное название, направив вертолет точно по адресу. Вот уж, нарочно не придумаешь! Все вместе посмеялись.

Потом, после совещания за нашим походным столом, вместе с отцами-командирами я сел в вертолёт, чтобы пролететь ещё на месторождение железа неподалеку, а оттуда в Усть-Нюкжу, где меня ждал денежный перевод, – полевые работы требуют расходов, - и, возможно, почта до востребования. Вот тогда с высоты птичьего полета я и посмотрел на озеро Юс-Кюёль, длинной чёрной лентой протянувшееся среди покрытых курумами каменных сопки.

Анекдотическая ситуация с "испорченным телефоном" или, вернее, телеграфом, случилась у меня ещё один раз несколькими годами позже, уже на Имангре и опять в ассоциации с вертолётцем. У автомобильного моста, меня с вездеходом ждал наш сотрудник Станислав Васильевич Нужнов. Трудно всё предусмотреть заранее, когда работаешь в тайге с техникой. Наше появление на месте встречи задержалось на два дня, а Нужнов к тому времени поспешил отправить в Благовещенск телеграмму такого содержания: "Ботряков к сроку не выехал зпт попробую разыскать его с помощью вертолётца и матюка тчк". У нашего руководителя, ознакомившегося с текстом телеграммы, от удивления глаза на лоб полезли. Представившаяся ему картина, наверное, была такая: Станислав Васильевич летает на вертолёте над тайгой и почём зря матюкается в мой адрес, полагая, что именно это более всего поможет ему в поисках.

А объяснялось всё очень просто: вместо "матюка", надо было читать: "Масюка". То ли телеграфистка была с большим чувством юмора, то ли она ошиблась при передаче телеграммы, заменив непонятное слово таким близким и родным, – этого мы никогда не уз-

нали. Александр же Масюк был в то время начальником партии Зейской геологосъёмочной экспедиции, и его помощью мы иногда пользовались. Несколькими днями позже именно он отправил нас из Усть-Нюкжи до Тынды на “чартерном” вертолёте, так что их тесное соседство в одной телеграмме воплотилось в реальность.

Красавица Илин-Сала

...В плотине бывшего озера Кадарчи вода всё-таки сумела прорезать себе путь на самом слабом её участке в месте примыкания к правому коренному борту - крутой скале или каде по-эвенкийски, - пропилила в ней каньон и пробилась к Илин-Сале.

Про себя я тут же сочинил “древнюю эвенкийскую” легенду о том, как сильный и красивый юноша по имени Кадар, - что-то венгерское, правда, получилось, и не имя, а фамилия, - влюбился в стройную красавицу Илин-Салу. Из черной зависти к ней, сама имеющая виды на Кадара, Злая Шаманка превратила их соответственно в озеро и реку. Набросав перед ним груды сцементированных льдом камней, тысячи лет Шаманка не давала Кадару встретиться с любимой Илин-Салой. Бессильно он плескался рядом со своей ненаглядной, не имея возможности слиться с ней (если хотите - в любовном экстазе), - близок локоток, да не укусишь. Но однажды, когда Злая Шаманка была в отлучке, уверенная в том, что Кадару никогда не удастся преодолеть столь надежное препятствие, он, растопив жаром своей любви ледовую преграду, вырвался из плена, стал ручьём и навеки соединился со своей возлюбленной.

Похожую задачу решали и мы, ведь нам тоже нужно было пробиваться к Илин-Сале. Идти прямо через морену оказалось совсем непростым делом, - она густо поросла кедровым стлаником, поэтому на самый верх её мы не выбирались, а стали пробираться по “пропиленному” рекой краю морены. Временами приходилось идти, цепляясь руками за смоляные ветки, почти висеть на них, чтобы не сорваться в пенный поток, бегущий между каменных глыб. Смогли спуститься в Кадарчи только у самого его устья.

Время на приготовление чая терять не стали, и после короткого отдыха вышли на Илин-Салу, по правому борту которой вилась тропа. Не снижая темпа, вслед за бегущей водой двинулись к Имангре. Скоро тропа пересекла ещё одни Кадарчи, теперь уже Малые. Прямо на песчаной косе, у поваленной сухой ёлки решили заночевать. Ясное небо с предзакатным солнцем на горизонте обещали холодную ночь, поэтому перед тем, как отойти ко сну, запланировали поджечь дерево.

Приготовили экзотический ужин: гречку с маслятами, на пару стаек которых набрали по пути. Андрей побросал удочку, но рыба не испытывала желания попасть на наш стол, - видимо, она уже скатилась в Имангру в поисках глубоких ям, где сможет благополучно перезимовать.

Натянули тент, - он должен был стать экраном для тепла, излучаемого медленно горящим деревом, - и развели под ёлкой огонь. С лёгким потрескиванием она загорелась, своими всполохами то, расширяя, то, сужая вязкую тьму. Я лежал на подостланном лапнике, смотрел на подмигивающие звёзды и думал о бесконечности Вселенной. Такие мысли быстро усыпляют, - если, конечно, совесть чиста и налоги уплачены.

Мне снилось, что я лежу, прислонившись к печке. С одного бока было особенно тепло, потом стало горячо, нестерпимо жарко. Когда я проснулся, жар и не думал прекращаться, оказавшись объективной реальностью, данному мне в ощущениях, не сказать, чтобы приятных. Обнаружил на рукаве своей телогрейки приличную дыру, - отскочившая от горевшей ёлки искра подпалила вату, имеющую свойство медленно и неугасимо тлеть. Лихорадочно захлопал по плечу, тщетно пытаюсь затушить очаг возгорания. Убедившись в бесполезности этого занятия, побежал к ручью заливать пожар. Снова лег на прежнее место и, согревшись, уснул.

Утро обещало солнечную погоду. Самураи в древней Японии, всегда готовые своим острым мечом отрубить кому-нибудь голову или сделать себе харакири, просыпаясь в такое ясное утро, удовлетворенно, но несколько мрачновато, бывало, говаривали: *“Хороший день для смерти, однако!”*.

Ещё по морозцу, сделав энергичную разминку и разогревшись, я разделся, чтобы ополоснуться в ручье и обнаружил, что прогорела не только телогрейка, но и находившийся под ней энцефалитный костюм, свитер и лишь на последнем перед плечом рубеже – жёлтой футболке, огонь остановился, оставив и на ней тёмное пятно. Ну что ж, получилось по-кукински: «... и не жизнь в кабаках – рукав прожигать у костра».

На тент было жалко смотреть, - весь он был, как решето, будто из дробовика по нему палили. Полевой сезон у нас заканчивался, поэтому мы не сокрушались по поводу ущерба нашему имуществу, нанесенному огнём, и позавтракали с весьма завидным аппетитом, - при испытываемых нагрузках нам его было не занимать.

До семи часов вечера нам нужно было обязательно дойти до базы, ведь именно в это время наша баня должна была приветливо распахнуть дверь, и нетерпеливые парильщики усесться в рядок на деревянном полке. Важно было успеть именно к первой поддаче, самой жаркой и сухой, нельзя было рассчитывать на то, что наши товарищи отложат начало процедуры парения (я бы даже сказал – воспарения), уж больно томительным становится ожидание блаженства, мы это знали по себе.

Баня стояла на берегу ручья в пяти метрах от довольно глубокой - по грудь - ямы, куда прыгали парильщики, когда терпеть жар уже было невозможно. Потом были второй и третий заходы, но пар становился влажным и, следовательно, более тяжёлым. Омовения совершались на галечной косе. Горячую воду черпали из железной бочки, поставленной на камни и разогреваемой разложенным под ней костром.

...Пошли по тропе, которая вскоре перешла на левый берег, а потом снова на правый. Оба раза на переправах, чтобы не вымокнуть, мне приходилось использовать способности Андрея переносить на спине груз, соизмеримый с его собственным весом. С этой задачей он справился, хотя риск искупаться был велик, - камни предательски выскальзывали из-под ног, а водному потоку явно хотелось свалить Андрея, заставить его разжать руки, а уж потом вдоволь потешиться нашими телами. При ясной, солнечной погоде, впрочем, такая перспектива не пугала, она лишь грозила потерей времени, которое пришлось бы потратить на просушку одежды, а это стало бы некстати, слишком велико было наше желание после трудного маршрута качественно попариться. Мы спешили, иногда всё же позволяя себе попасть на полянках, красных от брусники, - год на неё был урожайным, она уже поспела и сама просилась в рот.

Долину Илин-Салы тоже когда-то выпахивал ледник. Доползти до Имангры у него не хватило сил: чуть ниже устья Кадарчи мы видели остатки его конечной морены. Она заросла высокими соснами и была гораздо ниже той, что мы штурмовали накануне.

Что не удалось сделать давным-давно растаявшему Илин-Салинскому леднику за сотни лет своего существования, мы с Андреем осуществили уже к обеду, - вышли в широкую долину Имангры. Перебрали на левый берег, причём мне даже не пришлось вновь осёдлывать Андрея, - перекаты на широкой Имангре обмелели, и длины даже укороченных моих сапог хватило, чтобы не замочить ноги.

Перед решающим броском решили пообедать. История с осами уже забылась, поэтому поначалу мне не пришло в голову связать с ней появившуюся вдруг слабость и резкую боль в затылке. Она ненадолго проходила, когда я плескал холодную воду в лицо, но потом снова возвращалась, лишь усиливаясь. Хоть аппетита и не было, но я всё-таки поел рисовой каши, ведь предстояло ещё пройти километров пятнадцать, и не по асфальту, а по таёжной тропе, а на болотистых участках и вовсе без тропы, по мягким кочкам.

После обеда мне стало ещё хуже. В слабой надежде, что всё пройдет само собой, Андрею я пока ничего не говорил, молча волочил потяжелевшие ноги, в рюкзаке как буд-

то с десяток килограмм прибавилось. Довольно скоро стало ясно, что напрасно я обедал, только зря продукты перевёл. Спустился с тропы к струящейся воде и “прикормил” рисом удобную для рыбалки ямку, а потом ещё основательно прополоскал желудок. Всё происходило так же, как в Саянах. Прежде, впрочем, реакция на укус наступила гораздо раньше, - с возрастом, видимо, до меня всё стало доходить гораздо дольше, да и укус тогда был максимально приближен к голове, которая теперь буквально раскалывалась от непереносимой боли.

Пришлось сознаться Андрею, что мне очень даже не по себе. Прошли ещё с километр, и тут силы оставили меня полностью, - я рухнул на мягкую перину из мха, слабым голосом попросил Андрея подождать немного и погрузился в тяжёлую прострацию. Мой товарищ сидел рядом, курил и, наверное, невесело прикидывал, как понесёт меня на себе. Совсем свежий опыт в этом деле у него уже был, но то были какие-то метры, а нам предстояло пройти добрый десяток километров. Оставаться ещё на одну холодную ночёвку ему явно не хотелось, да и продукты уже почти закончились.

Полчаса полного покоя всё же вернули мне силы, достаточные, чтобы встать, взвалить рюкзак и продолжить путь. словно былинный русский богатырь, сражённый нечистой силой, я был воскрешён матушкой землёй - почувствовал, как жизненные соки вливаются в пока ещё слабые органы движения.

Прошли ещё с километр. Вдруг шедший впереди Андрей резко остановился, обернулся ко мне и очень взволнованно стал на что-то показывать. Мелькнула мысль, что мы встретились с “хозяином тайги” – медведем, которые в здешних местах были не редкость. Мне даже приходилось вкушать мяса здешнего «хозяина» тремя годами раньше. Его подстрелили усть-нюкжинские эвенки - каюры арендованных хабаровскими поисковиками оленей, предназначенных для перевозки экспедиционной поклажи. К этому зверю аборигены этих мест относятся с большим почтением. Они просят прощения у духа медведя за совершённое над ним насилие, и обычно “хоронят” его останки в недоступных для зверей местах, сложив, например, череп и кости на двухметровой высоте в небольшом деревянном срубе, - так это было сделано в прошлый раз.

В нашем с Андреем походе тоже то и дело попадались медвежьи метки, - глубокие царапины на коре деревьев и сломанные верхушки невысоких лиственниц. Так звери помечают свои охотничьи угодья, причём, эти переломы, вставая во весь рост, они стараются совершать как можно выше, чтобы казаться высокими и мощными, - пусть претендентам на их территорию станет ясно, что их ждёт достойный отпор.

... Скажу, не хвастаясь, что тогда я несколько не испугался, - какое-то безразличие ко всему происходящему ещё не покинуло меня. Мне даже не стало смешно, когда я увидел того, кто вызвал такое возбуждение Андрея. Это был рябчик, - метрах в пятнадцати он сидел на тропе и, переступая с лапки на лапку, вертел своей маленькой головкой. Не снимая рюкзака, я расстегнул кобуру, вытянул оттуда наган, пристёгнутый тонким ремешком к поясу, - чтобы ненароком не потерять, - и, не целясь, совсем как киношный Монтегомо-Ястребиный Коготь, навскидку выстрелил.

Последнее, наверное, что видел в своей короткой жизни несчастный рябчик, был лёгкий дымок из ствола нагана, - вскоре он затрепыхался в предсмертной агонии, совсем, как курица, которой вероломно отрубили голову. Андрей восхищённо посмотрел на меня и в порыве охвативших его чувств, присвоил мне, - надеюсь, что навечно, - звание “Ворошиловского стрелка”, ведь попасть из нагана в такую мелкую цель было равносильно чуду и только “неуловимым мстителям” было «по силам» всякий раз посылать пули из револьверов без промаха. Хотя дальность поражения у нагана высокая, но стрелять из него всё-таки лучше в упор, - можно также, на любителя, эффективно поиграть в “русскую рулетку”. При ближайшем осмотре рябчика выяснилось, - я не просто подстрелил его, а попал ему в самую шею.

В связи с воспоминаниями об этом своём “королевском выстреле”, позволю себе ещё одну ретроспективу на десять лет назад, когда мне удалось ещё более эффективное попадание, и, что особенно важно, - опять при свидетелях. Акцентирую на этом внимание, потому, что «мюнхгаузенов» среди охотников чрезвычайно много, и верить в их рассказы нужно с большой поправкой.

Приморье

Произошло это в приморской тайге. Наш отряд Дальневосточного геологического института в составе пяти человек, не считая, собаки – лайки Кемы, - проводил тематические работы в пределах Восточно-Сихотэ-Алинского вулканического пояса на побережье Японского моря, - именно по петрологии его кислых эффузивов я защищал потом кандидатскую диссертацию.

Мы поставили лагерь в бухте в устье небольшой ручья с “африканским” названием Кондо. Теперь-то он известен как Заводской. Попавшему на него впервые, ни за что не догадаться о происхождении нового названия. Объяснялось же всё довольно просто. В сороковые годы к Приморью подошли косяки сельди-иваси, поэтому по берегам, обычно в устьях рек, настроили небольшие рыбоперерабатывающие мини-заводы, как определили бы их сейчас. Потом, когда сельдь ушла (чтобы снова придти в семидесятые годы), эти заводики были закрыты, и от них остались лишь фундаменты и ржавые дизели. На Кондо тоже когда-то стоял такой завод, и его пребывание здесь угадывалось с большим трудом по разрушенному фундаменту и остаткам посёлка – диким грушам и зарастающим ямам на месте домов.

На левом мысу бухты в бинокль мы рассмотрели небольшой обелиск, поставленный, как выяснилось из надписи на нём, в память жертв авиационной катастрофы, произошедшей несколько лет назад. Её последствия остались под скалой, где редуктором вверх лежали замытые песком лопасти вертолёта. В наше время, когда страну захлестнула кампания по сбору лома алюминия, они бы так долго не пролежали.

Если добавить, что на правом мысу находилось давно заброшенное кладбище с несколькими сохранившимися крестами, - на нём когда-то хоронили работников завода, ушедших в мир иной, - то мы, можно сказать, оказались между двумя мемориалами.

Лагерь свой мы ставили поздним вечером, когда уже смеркалось, и ветер дул в сторону моря, а утром лёгкий бриз донёс до наших носов весьма специфический запах. Только тогда мы обнаружили лежавший на мели труп падшей коровы. Очень надеюсь, что читатели, среди которых, наверное, попадутся весьма впечатлительные и с богатым воображением, не читают эти строки за трапезой, - "Минздрав" давно предупреждает, что читать во время еды не рекомендуется.

Мы встали перед выбором, - либо перебазироваться на другое место, что было связано с дополнительными и не очень приятными хлопотами, либо избавиться от неприятного соседства, отправив труп коровы в свободное плавание в Японское море. Для этого надо было столкнуть его на глубину. Место менять не хотелось, уж очень оно было удобным, поэтому мы выбрали второе решение проблемы и, подготовив инструмент – длинные жерди, чтобы находиться подальше от источника зловония и, дождавшись прилива, приступили к осуществлению своего экологического проекта. Не сразу, но нам, едва сдерживающим подкатывающую к горлу тошноту, удалось это сделать, и вскоре береговое течение скрыло из наших глаз покачивающийся на волнах труп животного, ставшего кормом для многочисленных представителей морской фауны.

Надо сказать, что падшая корова оказалась здесь вовсе не со времён существования рыбозавода. Километрах в десяти к северу стоял большой посёлок Малая Кема, и зарос-

шая травой долина ручья использовалась местными жителями для выпаса крупного рогатого скота и другой живности. Через два года мне снова довелось побывать на Кондо, где я встретил двух совершенно непугливых коней-красавцев. На фоне синего моря и цветущего шиповника они смотрелись, словно фотомодели, и я не пожалел на них несколько кадров диапозитивной плёнки.

К северу от Малой, на берегу моря стояла ещё одна Кема – Великая, - умирающее село, которое, несмотря на столь звучное название, по своим размерам и числу проживающих в ней жителей было раз в десять меньше Малой Кемы, - такие вот парадоксы встречаются иногда в географических названиях. Дело в том, что посёлок Малая Кема стоит на маленькой речушке с таким же названием, а Великая - на Большой Кеме, широкой и полноводной реке с водопадами и порогами в верхнем и среднем течении. О них мне рассказала мастер спорта по водному туризму из Благовещенска Надежда Переверзева, которая, сплавляясь по ней на катамаранах, чуть не погибла там, отделавшись долго не заживающим вывихом плеча.

Однако, "вернёмся к нашим баранам". Из последующего изложения читателям станет ясно, что правильнее было бы сказать, - "козлам", а ещё вернее, - одному козлу.

Несколько дней мы ходили в маршруты в окрестностях Кондо и как-то, в долине небольшого ручья с мирным названием Муха, набрали на широкую, изрытую дикими кабанами поляну. Мы сделали вывод, что здесь водятся кабаны, и, следовательно, нам есть, чем поживиться, благо оружия хватало, и лицензии на отстрел диких животных для котлового питания у нас тоже были.

Прежде, чем приступить к изложению очередного охотничьего рассказа, не удержусь от того, чтобы посвятить читателя в тайну происхождения названия ручья, где произошли описываемые события.

О ней я узнал уже на следующий год на реке Аввакумовке, где останавливался вблизи села Молдавановка, чтобы сделать здесь несколько маршрутов. Вместе с уже упоминавшимися в рассказе Е.Бочарниковым и Г.Козловым мы оборудовали лагерь на правом берегу широкого плёса, в прозрачных водах которого отражались риолитовые скалы.

Как-то вечером в гости к нам зашёл местный житель. За кружкой чая он поведал, что мы находимся в том самом месте, где Акиро Куросава снимал эпизод фильма "Дерсу Узала", когда главный его герой чудом спасается от гибели в бурном потоке (на самом деле это происходило на Большой Кеме). Вполне резонно, я усомнился в том, что на таком исключительно спокойном плёсе можно было снять сцену, где могучее течение несет целые деревья. Улыбнувшись, наш собеседник объяснил, "как делается кино". Оказалось, что для создания иллюзии разбушевавшейся стихии, из Ольги приезжали несколько пожарных машин, - своими брандспойтами они гнали волны, которые на экране смотрелись "девятью валами".

По ходу беседы, узнав о том, что я работал в окрестностях Кондо, - вполне возможно, что я рассказывал историю, посередине которой мы сейчас находимся, - он сказал с загоревшимися вдруг глазами, что в молодые годы вместе с геодезистами участвовал в проведении топографической съёмки как раз в тех местах. Когда же я упомянул названия ручьёв, он ещё сильнее разволновался. И тут выяснилось, что "Муха" - это кличка отрядной беспородной собачки геодезистов, а название соседнего ручья, "Шпека", - о нём я тоже, конечно, помнил, такие не забываются, - было фамилией их радиста. Я достал из вьючного ящика топографическую карту и дал посмотреть нашему собеседнику. Рассматривая её, он чуть не прослезился, - на него, видимо, нахлынули приятные воспоминания, унёсшие его в другие места на много лет назад.

...С берегов Аввакумовки возвращаюсь к прерванному повествованию на Заводское Кондо, позволю себе объединить оба названия ручья в одно. На охоту пошли Саша Вржо-

сек и автор этих строк с карабинами, а также студент Петухов с ружьём. В лагере остались водитель Данилыч и второй студент владивостокского политеха Мурашников. Лайку Кеме тоже взяли с собой. Следует тут пояснить, что её хозяин и по совместительству наш начальник Владимир Георгиевич Сахно, назвал собаку в честь упоминавшейся выше реки, было не наоборот, как в случае с геодезической собакой Мухой. И именно на Кеме наша собака совсем недавно испытала не только потрясение, но и весьма болезненные ощущения.

Дело было так. Наш лагерь тогда стоял на берегу Большой Кемы чуть ниже глубокой ямы. Дальше автомобильная дорога уже не шла, поэтому мы ходили в маршруты с длинными подходами вверх по набитой тропе. В свободный день, все вместе, – Сахно тогда тоже был с нами, - мы собрались на камнях возле омота. Рыбачили, купались, - глубина, обычно небольшая в горных реках, здесь позволяла понырять прямо с камней и поплавать. Вокруг на камнях лежали удочки, спиннинги, карабины и ружья.

Вдруг мы услышали характерный треск разматываемой спиннинговой катушки и собачий визг, и увидели такую невероятную картину: наша Кема своим “кирзовым” носом оказалась насаженной на тройник искусственной мыши, используемой для ловли крупной рыбы. Случилось вот что: чтобы всего лишь её понюхать, любопытствующая Кема подошла к мыши, укололась о крючок и, видимо, резко дёрнувшись, надёжно насадилась на него. Далеко убежать она не могла, - толстая леска крепко держала собаку, поэтому мы её сразу схватили, зажали морду, и принесёнными из лагеря пассатижами сломали крючок, освободив от мук.

Кеме вообще не везло. На Кондо она погналась за каким-то довольно крупным грызуном, а он вцепился в её многострадальный нос, и снова окрестности огласил отчаянный визг. Пришлось её выручать и отдирать грызуна.

...Дошли до нужной поляны, перевалив через невысокий перевал в верхнюю часть Мухи, и осторожно двинулись вниз, - студент по левой, нижней стороне, а мы - по правой. Кема на поводке бежала рядом с нами. Мы уже прошли треть поляны размером с футбольное поле, когда метрах в тридцати перед нами из травы вдруг вымахнула косуля и, словно африканская антилопа, энергичными высокими прыжками поскакала к ближнему перелеску, - за ним открывался прогал, а дальше начиналась густая тайга.

Пока я срывал с плеча карабин, одновременно снимая его с предохранителя, зверь уже был вне поля зрения. Мгновенно прикинув, где он должен оказаться в данную секунду и внося поправку на скорость, я выпалил в гущу деревьев. Ожидая появления козы в прогале, Вржосек тем временем тоже взял карабин наизготовку.

Прошло несколько секунд, но коза не появлялась, хотя уже давно должна была пересечь перелесок. Мы побежали вперёд, спустив Кему с поводка, - она сразу ринулась, исчезнув в густой листве. Скоро оттуда донёсся её остервенелый лай, потом жалобный визг, и снова лай. На месте мы застали такую картину. На крохотной полянке на боку лежала косуля - козёл - с развороченной правой передней лопаткой, а на него насакивала заливающаяся в лае собака. Несчастное животное успело задними копытами ударить неосторожно приблизившуюся к нему Кему, заставив её завизжать от боли, - опять нашей собаке досталось.

Мы встали, скорбно склонив головы, наблюдая, как из козла медленно уходит жизнь, - теперь никакая реанимация уже не спасла бы его. Как сказал бы синхронный переводчик заокеанской кинопродукции на медицинскую тему, - мы “теряли” козла, одновременно приобретая вкусное мясо, в которое прямо на наших глазах он превращался, и это было хорошей компенсацией за “утрату”. На выстрел прибежал Толя и присоединился к нашему траурному стоянию. Осмотревшись, он подошёл к лиственнице диаметром сантиметров в тридцать, ковырнул там и показал нам, - это было свежее выходное отверстие

карабинной пули, точно по центру, - прежде, чем раздробить лопатку бедному козлу, она навывлет прошила толстое дерево. Едва начавшись, наша охота тут же и закончилась.

Чтобы у читателей не возникло подозрения, что автор создаёт себе репутацию суперохотника, сразу сообщу такую информацию, - только в сезоне того же года я трижды выпускал по скачущим козам по целой обойме, прежде чем они успевали скрыться в спасительном лесу без каких-либо повреждений.

На Имангре

...Сейчас моя добыча была гораздо менее крупной, чем десять лет назад на Мухе, - она свободно поместилась в пробном мешочке и совсем не утяжелила ношу. Моё состояние после этого улучшалось с каждым шагом, как будто лежащий в моём рюкзаке рябчик, безвременно скончавшись, отдал так недостающие мне силы. Снова хотелось радоваться жизни во всех её проявлениях. Самым реальным из них в ближайшее время было попариться в баньке, но из-за досадной задержки мы катастрофически не успевали к первой поддаче.

За километр до лагеря, когда часовая и минутная стрелки на циферблате часов приблизились к цифрам семь и двенадцать соответственно, я выпустил вперёд парашютную ракету, предупреждая о нашем прибытии, - в надежде, что товарищи нас подождут, но, как потом выяснилось, они в это время уже сидели на полке, утопая в волнах обжигающего пара. Когда же мы вывалились из кустов прямо к бане, - все тропы вели именно туда, - после погружения в ручей они уже топтались у двери в предвкушении второго захода. Едва успев пожать всем руки, мы присоединились к парильщикам и, наконец, смогли полностью расслабиться, ощутить неопишное блаженство, какое испытываешь, возвращаясь из трудного маршрута.

... На Большие Кадарчи вместе с двумя попутчиками, одним из которых был знакомый читателям Александр Михалевский, я попал снова через три года. Мы всё-таки нашли золотой корень на склонах кара, откуда когда-то начинался кадарчинский ледник. Снова было у нас не всё гладко, пришлось ночевать под падающим снегом и опять без палатки, ведь вездеход мы оставили на Илин-Сале, в устье Большого Кадарчи, - он не смог преодолеть «легендарную» морену. В тот раз мне удалось избежать традиционных осиных укусов, и проверить на себе их действие ещё раз, по сей день не довелось.

Поскольку желания испытать от этих укусов анафилактический шок, - о таком меня просветили специалисты, - у меня никогда не возникало, это обстоятельство мне даже нравится. Иногда, впрочем, подобно уральскому врачу Андриевскому, который, чтобы доказать инфекционное происхождение сибирской язвы, в присутствии свидетелей привил её себе, хочется совершить нечто похожее, - по сильнее разозлить ос, дать им основательно меня покусать и, если позволит здоровье и материал окажется интересным, дополнить этот рассказ. Возможно, когда-нибудь я так и сделаю и опубликую результаты в исправленном издании.

Г. Ботряков